

НИК ПЕРУМОВ

АДАМАНТ ХЕННЫ

КОЛЬЦО ТЬМЫ

Миры Упорядоченного

Ник Перумов

Адамант Хенны

«Феникс»

1995

Перумов Н.

Адамант Хенны / Н. Перумов — «Феникс», 1995 — (Миры Упорядоченного)

ISBN 978-5-222-37406-1

Десять лет после гибели Олмера и падения Серых Гаваней Фолко, Торин и Малыш сражаются за освобождение Запада. Но на мир снова надвигается беда, страшнее предыдущей. Жгучий Свет Адаманта с Юга заливает Средиземье, он ослепляет людей и вызывает раздоры и агрессию. Благодаря магическому перстню эльфов-авари Фолко чувствует, что этот Свет опаснее Тьмы. А значит – снова в путь: нашим героям и присоединившейся к ним девушке по имени Эовин предстоит спасти Средиземье от новой глобальной войны.

ISBN 978-5-222-37406-1

© Перумов Н., 1995

© Феникс, 1995

Содержание

Часть первая	5
Пролог	5
Глава I	7
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Ник Перумов

Адамант Хенны

*Сноп огня в кулаке эта жизнь нажила,
Возжелавшая боли и брани,
И горят вдалеке полевые костры,
И остры адамантовы грани.*

Часть первая

1732 год. Начало лета

Пролог

Всласть натешившись, волны швырнули на береговой песок бесчувственное человеческое тело. Слугам Ульмо быстро наскучила скверная игрушка, бросившая даже и бороться за жизнь. Пока она билась, дёргалась, извивалась, отчаянно пытаясь вырваться из зеленоватой пучины наверх, к живительному свету и аэру, – они с удовольствием забавлялись ею, опрокидывая в последний момент, когда несчастному уже казалось, что он вот-вот сможет глотнуть воздуха. Волны внезапно и коварно обрушивались с разных сторон, загоня тонущего в глубину, погребая его под своими прозрачно-голубыми телами. Он избавился от тянущей ко дну одежды и сапог, но всё напрасно. Его неумолимо затягивало всё глубже.

Тонущий сопротивлялся до последнего. Однако с каждым мигом силы таяли, и вот наконец руки бессильно повисли, голова запрокинулась – человек оказался в полной власти бессердечных волн. Они забавлялись с утопленником ещё некоторое время, но, видя, что он вот-вот пойдёт ко дну, мгновенно оставили его в покое, устремившись на поиски новой игрушки. И тут внизу, в тёмной и холодной глубине моря, где-то в мрачных придонных впадинах, куда редко заглядывает сам Оссе, внезапно родилось некое движение: вверх устремилась размытая тёмная тень, не имевшая чётких очертаний. Волны в ужасе шарахнулись от неё, поспешно уступая дорогу. Тень на миг замерла прямо под идущим вниз телом несчастного – и тотчас же растворилась, исчезла, словно её тут никогда и не было. Однако появление её не осталось без последствий. Раскинув руки, тело начало медленно подниматься из глубины вод. И едва на поверхности появилось бледное, уже заострившееся, словно в посмертии, лицо, как с запада примчал ещё один, новый вал, легко подхвативший ничтожную капельку живой плоти, что оскверняла свободную стихию моря, и брезгливо, точно мусорщик падаль, погнал к берегу. Швырнул в нерастроченной злобе на песок – и отступил, весь в белой пенной крови.

Некоторое время тело оставалось недвижимым. Потом с хриплым выдохом-проклятием спасшийся приподнялся на локтях – изо рта тотчас хлынула вода. Застонав, он вновь рухнул; однако миг спустя поднял голову, словно встревожившись. И верно – с запада, поднимаясь всё выше и выше, катилась исполинская зеленоватая волна, которую издали можно было принять за облачённого в доспех воина, с пенным плюмажем на шлеме.

Взор человека вспыхнул. Судорожным рывком он вскочил на ноги, нелепым подпрыгивающим бегом устремившись прочь от ненавистного моря. Перевалил за гребень песчаной дюны и рухнул, скатившись в неглубокую, поросшую мягкой травой впадину.

Зелёная волна на горизонте разочарованно разгладилась.

Спасшийся постепенно приходил в себя. Силы мало-помалу возвращались к нему; несмотря на царивший вокруг холод поздней осени и собственную наготу, человек, казалось, совсем не мёрз. Он медленно сел; мозолистые, крепкие ладони бывалого воина и морехода обхватили голову. Человек словно бы пытался вспомнить нечто очень важное, пытался – и не мог.

– Не помню... – прошептали посиневшие губы. – Ничего не помню... Имя? Нет... Слова... одни только слова...

Стояло звонкое и жаркое лето.

По узкой лесной тропке ехал всадник – горбун в немудрёной чёрной одежде. Ему то и дело приходилось низко нагибать голову, кланяясь протянувшимся поперёк тропы ветвям. В правой руке он сжимал обнажённый меч; лезвие покрывала какая-то зеленоватая слизь. Капли медленно катились по ложбинке кровостока к опущенному острию и падали наземь.

Меж деревьями открылся просвет. Перед всадником расстился роскошный луг, а в дальнем конце его над зелёным разнотравьем медленно поднималась зыбкая серая тень.

– Всё, как и рассказывали, – прошептал всадник. Конь захрапел, не слушаясь повода; наездник спешил. Привязал коня, поправил меч и двинулся вперёд. Зыбкая тень уже успела сложиться в чудовищное подобие самого пришельца; длинный меч вытянулся едва ли не на шесть футов.

– Я не отступлю, – холодно и скрипуче проговорил горбун, обращаясь к фигуре. – Я и так уложил многих твоих собратьев, не миновать того же и тебе!..

Подняв клинок, горбун спокойно шагнул навстречу призраку, за спиной которого маячило разверстое устье пещеры...

...А когда горбун Санделло возвращался назад, лицо его, костистое, исчерченное морщинами, казалось, светится от счастья.

Глава I

ИЮНЬ, 3, ХОРНБУРГ, РОХАНСКАЯ МАРКА

Усталое войско возвращалось домой. Позади остались привольные степи; Белые горы, поднявшись, закрыли полнеба. Миновав Врата Рохана и перейдя Исену, ратники расположились на отдых в Хелмском ущелье.

Эти места совсем недавно вновь вернулись под твёрдую руку Эдораса. Минуло всего два года, как молодой король Эодрейд отчаянным натиском взял главный оплот закрепившихся в Вестфольде ховраров. Штурм тогда был тяжёлым, страшным, кровавым; если бы не помощь гномов, что вновь, во исполнение давней клятвы, ударили в спину защитникам крепости, Хорнбург бы устоял. После победы Эодрейд опустошил казну, остатками золота купив искусство Подгорного племени, и те за истекшее время сделали цитадель Холма совершенно неприступной.

Крепость стала опорой роханского наступления на запад. Та, двухлетней давности война провела по Исене закатный рубеж марки – кровью провела! – а теперь, после нынешнего похода, граница отодвинулась ещё дальше в степи, на три дня доброй скачки, как записано в грамотах «Вечного мира» с хазгами, ховрарами и дунландцами. Нынешний поход считался победоносным – во всяком случае, именно так повелел возглашать герольдам король Эодрейд.

Встречать войско вышло немало народа – почти все нынешние обитатели Вестфольда, все, кто остался за чертой Сбора. Женщины, старики да ребятишки – мужчин забрала война, а подростки в это время несли охранную службу на границах. Несмотря на военное лихолетье, встречу воинам подготовили пышную – на зелёном ковре долины ждали накрытые столы. Старики качали головами – мол, не те яства, что раньше, куда как не те; но Рохан только-только начал оправляться от истребительного кошмара Исенской дуги, и на глаза воинов навёртывались слёзы – они-то знали, чего стоило их жёнам собрать угощение...

Но праздник начинался с иного. Торжественным маршем один за другим в крепость входили роханские полки.

– Скажи мне, скажи, когда будет Холбутла! – теребила старшую сестру совсем юная девушка лет четырнадцати, с длинной золотистой косой. – Скажи, ну скажи, а?!

– Да зачем тебе это? – поджала губы та. – Он на тебя и смотреть-то не станет! Даром ты по нему сохнешь, глупая!

Вокруг засмеялись.

– Сама ты глупая! Знаю, Фалда своего ждёшь не дождёшься! Не терпится?.. – тотчас огрызнулась младшая. – А мне уже про мастера Холбутлу и спросить нельзя!

Смех усиливался.

– Ишь, какая бойкая! Самого маленького выбирает! Чтоб, значит, удобнее было... (послышалось двусмысленное хихиканье). А не рано ли тебе, красотка? Подросла бы сначала, а?

– Маленького, да удаленького! – ухмыльнувшись, прошамкал беззубый дед. Годы согнули его спину, но не стёрли с лица многочисленных шрамов – этот бывалый воин стоял в своё время на Исене... – Он у короля Эодрейда мало не лучший!

– Вот и я говорю, – подхватила какая-то женщина, – Эовин всегда о героях мечтала!

Но смутить девушку оказалось не так-то просто.

– О ком хочу, о том и мечтаю, и спрашивать ни у кого не стану! – сердито выпалила она, резко откидывая назад тяжёлую косу. – А Холбутла – герой, это все знают! Мама мне про него рассказывала – он ещё на Исенской дуге отличился! И в Эдорас первым ворвался!

– Верно, верно, – кивнул старик. – Храбрости он непомерной! И откуда только берётся... Так взглянешь – одним взмахом зашибёшь! Ан не тут-то и было...

– А говорят, у сородичей его, которых гондорцы «половинчиками» зовут, своё волшебство имеется, говорят, они исчезать умеют, а ещё такое заклятье знают, что стрелы у них всегда в цель летят! – затараторила женщина.

– Будет болтать-то! – неодобрительно покачал головой дед. – Тоже выдумала – волшебство какое-то! Нет в них никакого волшебства и никогда не было. А разговоры все эти пошли, потому как лучше мастера Холбутлы и впрямь никто стрелы бросать не умеет!.. Э... э, погодите, балаболки! Эовин! Ты спрашивала – вот он, твой Холбутла!

В широко распахнутые ворота Хорнбурга входил бравым шагом полк пеших лучников. Война безжалостно проредила их строй, во всём полку осталось не более трёх сотен воинов. Маршировали они тем не менее бодро, а впереди всех нешироко, но быстро шагал низкорослый командир. Несмотря на жару, он не расстался ни со шлемом, ни с доспехами – похоже, для него они превратились в подобие второй кожи. На широком поясе воина висел недлинный меч, по обычным людским меркам – просто кинжал, лишь более широкий. За спиной начальника стрелков виднелся колчан со странным, белого цвета луком. Оружие это уже успело прославиться от Пригорья до Исены, от Эдораса до Мордора – знаменитый лук Холбутлы, из которого он попадал в брошенную изо всех сил вверх монету или пробивал птичий глаз в полной темноте.

За командиром Холбутлой двигались шеренги воинов – по шести в ряд. Полк снискал большую славу: благодаря меткости его стрелков роханская армия смогла с налёту взять сильно укрепленный Тарбад – важнейший южный оплот захвативших Арнор истерлингов. Ни один из защитников не смог высунуться из бойницы: воздух заполнила колючая свистящая туча, и, касаясь тел, она волшебным образом оборачивалась торчащими из окровавленной плоти простыми деревянными древками. Казалось невозможным, что смертные, не эльфы, могут стрелять так быстро и метко, но все знали, что мастер Холбутла не даром ест свой хлеб и не зря гоняет новобранцев до седьмого пота. В полку были собраны лучшие стрелки роханских земель, они могли запросто остановить любую атаку. В тяжёлой Тарбадской битве, когда удача отвернулась от Эодрейда, полк Холбутлы упёрся насмерть, перекрыв дорогу уже набравшей разбег истерлингской коннице, защитив оголённый бок войска, и продержался до тех пор, пока не подоспел хирд Дори Славного... Полк стоял по колено в крови, а перед его строем громоздился скользкий вал из конских и человеческих тел, весь утыканный длинными серооперёнными стрелами роханских удальцов... Об этом знали, и об этом помнили.

Полк мастера Холбутлы миновал ворота крепости. Там, на зелёной траве Хелмского ущелья, толпились те, кто пришёл встретить ратников. Все кричали разом – кто-то надеялся увидеть в строю родное лицо, выкликая по имени мужа, брата или сына, кто-то просто орал «Наши!» или «Победа!»; визжали и вопили дети.

– Мастер Холбутла-а! – подпрыгивая, закричала девчонка со звонким именем Эовин, названная так в честь знаменитой девы-воительницы, сокрушившей вдвоём с далёким предком мастера Холбутлы самого Короля-Призрака на Пелленорских полях.

Низенький командир лучников услышал переливающийся серебром голос девушки и, улыбаясь, повернулся. Когда-то он, верно, был румян, круглощёк и русоволос; а теперь почти все волосы стали снежно-белыми от ранней седины, щёки ввалились, над переносицей пролёг застарелый шрам. Серые глаза потеплели; давно застывший в них холод, свойственный бывалым воинам, на время отступил.

– Привет и спасибо за встречу! – крикнул в ответ командир лучников.

– Слышала?! Слышала?! Он ответил мне! А ты говорила – и не посмотрит! – Эовин показала язык недовольно отвернувшейся старшей сестре. – Спорим, что я станцую с ним после сегодняшнего пира!

– Совсем в уме повредилась девка, – лицемерно вздохнула женщина рядом, та самая, что утверждала, будто сородичи Холбутлы владеют магией, но её желчь пропала даром – дерзкая девчонка скорчила ей рожу и ловко, точно ящерка, скользнула прочь сквозь толпу.

За полком лучников шла тяжёлая панцирная пехота. Её с большим трудом возродили в Рохане совсем недавно, переняв частью у гномов, а частью у истерлингов; Вестфольд, чья фаланга каменной плотиной запирала путь бурному половодью ангмарцев и истерлингов на Исенской дуге, лишился в том кошмаре всех до единого бойцов.

Пеший полк был почти вдвое многочисленнее стрелков и возглавлялся двумя тоже невысокими, но очень широкоплечими воинами. Ростом они были по плечо роханцам, зато руки их толщиной и силой могли соперничать с медвежьими лапами.

– Гляди, гляди – гномы! – зашумели в толпе.

– Что, те самые? Рыцари Торин и Строри?

– Разуй глаза, кибитка! Кто ж ещё? Кто у короля полками панцирников командует? Эггей! Тангарам преславленным – привет!

Один из командиров-гномов на ходу повернулся к крикнувшему.

– И тебе привет тоже! – гаркнул он так, что у всех без исключения заложило уши. – Ну как, всё тут у вас готово? Пива наварили?

– Наварили, наварили! – отозвался целый хор голосов. – Будет чем жажду утолить!

– Вот и славно! – заметно оживился второй гном, пониже ростом. – У меня горло ну прямо таки совсем пересохло! Если на мою долю меньше полновесной бочки достанется – обижусь смертельно!

И воины, и встречавший люд захохотали.

– Да там и пять бочек на брата будет, и шесть даже! – крикнул кто-то.

– О! – Маленький гном вскинул руку. Латную рукавицу он так и не снял. – А я-то боялся – ну как не хватит? – закончил он с уморительно-серьёзным видом.

Последним, по недавней роханской традиции, в крепость въехал король Эодрейд. Победоносного правителя, вернувшего почти все роханские земли, встретили дружными восторженными криками. Миновав ворота, король натянул поводья и привстал в стремях.

– Спасибо вам за ожидание и встречу! – крикнул он. В наступившей тишине его голос достигал самых дальних уголков ущелья. – Мы победили! Правый берег Исены вновь наш, и с западного рубежа наших владений вновь видно море! Недалёк тот день, когда мы вновь будем владеть всем, чем владели наши предки, чем владел великий Тенгел Трижды Прославленный! А пока давайте отдыхать и радоваться! Пусть сегодня здесь будет настоящий праздник!..

Торжество и в самом деле удалось на славу. Король, его юные сыновья и дочь, все маршалы марки, военачальники полков, вся знать были в эту ночь с теми, кто мечом или плугом приближал победу. Эодрейд, хлебнувший лиха в страшную осень 23-го, не чурался незнатного люда – и, кстати говоря, никогда не употреблял слов «чернь» или «простонародье»...

Правда, потом, когда над Хелмским ущельем щедро вызвездилось высокое летнее небо, правитель Рохана всё же собрал «ближний круг» в высокой башне Хорнбурга, в том самом покое, где стоял, глядя на сражение, сам великий Теоден. Стол накрыли на десятерых – король, его маршалы и военачальники. Их осталось немного – нынешняя армия Рохана не в пример меньше той, что насмерть стояла на Андуине и Исене...

Нет нужды говорить, что Фолко, сын Хэмфаста, более известный в Рохане как мастер Холбутла, и друзья гномы Торин, сын Дарта, и Строри, сын Балина, по прозвищу Маленький Гном, были в числе приглашённых.

Былому «хоббиту не от мира сего», книжному червю, что изобретал тысячу и один способ отвертеться от прополки репы или окучивания картошки, в этом году исполнялось тридцать восемь лет – для народа невысокликов лишь самое начало зрелости. Правда, глядя на него нынешнего, никто из сородичей не дал бы ему меньше пятидесяти. Война на Западе полыхала

уже без малого десять лет, то призатухая, то вновь охватывая истребительным пожаром все земли от Белых гор до Голубых, и, увы, оставляла свои следы и на лице Фолко.

Однако кое-что и не изменилось, например, мифрильный доспех или, главное, таинственный клинок Отрины с украшенным голубыми цветами лезвием, клинок, что оборвал земной путь Олмера, Короля-без-Королевства. Фолко не расставался с оружием ни днём ни ночью. За десять лет износились, истёрлись кожаные ремешки ножен, и Малыш по просьбе хоббита выковал тонкие, но очень прочные цепочки, на которых теперь и висел кинжал.

Гномы изменились меньше: их раса отличается долголетием, двести пятьдесят лет для них – тот возраст, когда ещё выходят на бранное поле и крепко держат топор.

– Эй, Малыш, сколько можно копаться?! – выходил из себя Торин, уже стоя у двери. – Опаздываем! Невместно нам приходиться позже остальных! Ты не девчонка, чтобы прихорашиваться перед зеркалом! Надевай что ни есть, и айда!

– Оставь ты его, Торин, – невозмутимо заметил хоббит, закалывая фибулой нарядный плащ. Поневоле пришлось обзавестись изрядным гардеробом – король Эодрейд очень хотел, чтобы его двор выглядел попышнее и попраздничнее, и понятно – люди устали от войны и ждали простых радостей вроде нынешнего праздника.

Разумеется, давно прошло время, когда друзья со священным трепетом входили в общество сильных мира сего. Ныне они сами стали сильными. Не они искали службы, а служба искала их. Умный и дальновидный Терлинг, правитель Нового королевства, которое роханцы по привычке называли Арнором, звал всю троицу к себе, предлагая высшие посты в своей армии, после того как ополчение Хоббитании под командованием Фолко Брендибэка, сына Хэмфаста, и его спутников-гномов наголову разгромило вторгшуюся орочью орду в 26-м. Этчелион, герцог захваченного истерлингами и харадримами Итилиэна, едва не посадил всю троицу под замок, узнав, что они намереваются оставить его отряд. Правитель беорнингов предлагал лучшие лены в его владениях, если Фолко и гномы согласятся стать военачальниками в этом королевстве... Друзья привыкли. За прошедшие годы они не раз вступали в армии Рохана, Гондора, Беорнингов, сражались за Хоббитанию, но всякий раз уходили после того, как победа была достигнута, не отказываясь от почестей, но отвергая попытки навсегда оставить их в тех краях. Эодрейд понял это первым и не навязывал друзьям свою волю. Поэтому Фолко, Торин и Малыш чаще всего оказывались именно в рядах роханского войска... А впереди них уже летело рождённое военным лихолетьем поверье: «Там, где невысоклик, Гном Большой и Гном Маленький, – быть победе!»

Прошли давно и те времена, когда друзья сражались простыми ратниками в рядах полков, гадая, что сделают завтра командиры и правители. Теперь они сами сделались командирами. Повинуясь их приказам, шли в атаки сотни людей. Война – лучший, хоть и жестокий учитель; она вышколила Фолко, превратив из мирного, чуть хвастливого и несколько наивного хоббита в опытного, бывалого командира, – случай для его сородичей совершенно небывалый. К тому моменту, как судьба вывела его на стены Серых Гаваней, преобразование уже почти завершилось. Десять последующих лет он набирался опыта, поднимаясь всё выше в тех армиях, куда посылала его совесть. Он не стал наёмником, солдатом удачи – нет, он воевал за то, чтобы Запад вновь стал бы прежним. В Рохане это почти удалось сделать, и Гондор уже восемь лет как вернул себе Минас-Тирит; дело теперь за Арнором, и Фолко верил, что придёт день, когда над башнями Аннумиаса вновь взвьётся бело-синее знамя – знамя, под которым он впервые пошёл в бой. Хоббит понимал, что мир никогда уже не станет таким же, как встарь – исчезли Гавани, пал Кэрдан Корабел, – но не воевать за то, чтобы вернуть к жизни хотя бы призрак кажущегося сейчас таким прекрасным прошлого, он не мог.

На поздний ужин к Эодрейду они явились вовремя, при полном параде, при мечях и топорах, в лучших одеждах – только без доспехов. Мифрильные кольчуги и всё прочее Малыш

самолично запер пятью замками, не доверяя никому. А открыть замки, сработанные Маленьким Гномом, можно было, лишь разнеся в щепки саму дверь.

– О! Мастер Холбутла! Почтенные гномы! – Король поднялся из кресла, оказывая честь своим лучшим рыцарям.

– Приветствуем могучего Эодрейда... – начал было Фолко обычное придворное приветствие, однако правитель остановил его властным жестом:

– Сейчас не до церемоний... На поле под Тарбадом вы говорили со мной совсем иначе! И я хотел бы, чтобы так осталось и впредь. Садитесь! Угощение небогато, но требовать большего с Вестфольда... – он покачал головой, – садитесь, я собрал вас не есть, а говорить.

Учтиво раскланявшись с остальными маршалами, Фолко и гномы уселись на свободные места возле длинного стола. К немалому огорчению Малыша, на белоснежной скатерти сиротливо ютилось лишь несколько блюд с лёгкой закуской. Пива не было совсем, вместо него стояли тёмные бутылки старого гондорского, явно ещё довоенной закладки. (Войной все на Западе называли именно вторжение Олмера, а отнюдь не те бесчисленные походы и сражения, что последовали за гибелью Короля-без-Королевства. Время оказалось разрезанным надвое – до Войны и после. Нечего и говорить, что теперь времена «до Войны» почитались истинным Золотым веком.)

– Друзья, – король опустил золотую чашу – единственную реликвию, что осталась в роду роханских королей от Теодена Великого, – для всех на Западе, Севере и Востоке наш поход закончен. Однако же это не так.

Эодрейд умел поразить приближённых. Даже выдавшие виды маршалы изумлённо взглянули на правителя. Малыш и тот бросил с тоской озирать стол – не появится ли на нём внезапно что-нибудь посущественнее из еды? – и, приоткрыв рот, оторопело уставился на короля.

Эодрейд выглядел очень внушительно. Ему едва минуло сорок лет, и он был в расцвете сил; золотые, как и положено роханскому правителю, волосы ниспадали до плеч, глубокие серые глаза смотрели жёстко и пронзительно. Длинные усы опускались до подбородка – мода, перенятая у восточных племён, хотя в этом никто не хотел признаваться. Шрамы – лучшее украшение мужчины – пересекали его лоб и левую щеку. Обычно король одевался подчёркнуто скромно, однако на праздниках роскоши его одежд могли бы позавидовать даже короли Нуменора. И мало кто знал, что все эти украшения – золотое шитьё, алмазы, сапфиры, изумруды, бархат и парча – всё взято взаймы у гномов, а королеве приходится ночами гнуть спину, вышивая плащи для торжественных выходов подземных правителей... Порой, не кичась короной, ей садился помогать Эодрейд, но об этом знало лишь несколько человек во всём королевстве, и невысокий Фолко, сын Хэмфаста, был среди них.

– Однако же это не так, – повторил король, пристально оглядывая соратников. Все они, как один, были очень молоды для своих высоких постов: старая гвардия Рохана вся полегла на Исенской дуге. Сейчас королевство Эодрейда с трудом могло выставить восемь-десять тысяч копий – и это лишь если призвать всех, от пятнадцати до пятидесяти. Впрочем, народ-войско иного и представить себе не мог.

– Война только начинается, друзья, только начинается. – Король поднялся из-за стола, по привычке держа в руке чашу Теодена, полную до краёв. Так, с полной чашей, король зачастую и заканчивал пиры – он не любил хмельного.

– Но... мы же приняли «Вечный мир»! – пробасил Эркенбранд, уже немолодой, огруневший воин, прямой потомок того самого Эркенбранда Вестфольдинга, что сражался с ратями Сарумана в дни Войны за Кольцо. Он единственный из старых приближённых Эомунда, отца Эодрейда, кто прошёл Андуйн, Исену и дожил до этих дней. За ним единственным молчаливо признавалось право перебивать короля.

Эодрейд спокойно кивнул:

– Верно, Храбрейший. Но разве человек, которому приставили к горлу нож и вынудили расстаться с его добром, не имеет права вернуть своё достойное силой? У нас отняли плоды наших побед, тарбадская неудача дорого обошлась Рохану... И потому для меня моё имя на том пергаменте, которому придают столь большое значение ховары, дунландцы и хазги вкупе с истерлингскими варварами, не более чем росчерк, оставленный ребёнком на прибрежном песке. Ещё миг – и волна сотрёт письмо без остатка... Так и здесь, Храбрейший. Я принял мир, потому что иначе войско могло бы понести слишком тяжкие потери на обратном пути. Я сделал так, что мы смогли вернуться беспрепятственно. Договор сделал своё дело, и его можно забыть.

Король вновь обвёл всех собравшихся взглядом:

– Да, я знаю, о чём вы все сейчас думаете – как же так, правитель Рохана дал слово, а теперь собирается вероломно нарушить его! Признайтесь, каждому ведь пришла в голову эта мысль, не так ли? Мне она пришла первому, уж поверьте. Но иного выхода у нас нет. Олмер был великим завоевателем, что бы о нём ни говорили. И он знал, как нужно нападать – внезапно, стремительно, не давая врагу опомниться, на его плечах врываясь в города! Вспомните повесть Теофраста Письменника... Если мы не переймём уроков Короля-без-Королевства – Исена может повториться. Только на сей раз уходить будет уже некому и возрождать Рохан тоже. На Дуге у нас было шестьсот полных сотен! Никогда Рохан не выставлял такой силы, и что же? Наша рать была стёрта в пыль! Я до сих пор поражаюсь, как потом удалось собрать тридцать тысяч...

Фолко сидел ни жив ни мёртв от изумления. Эотрейд, благородный король Рохана, чьё слово считалось крепче камня, готов первым втоптать своё имя в грязь, покрыв себя вечным позором. Слова рвались у Фолко с языка – он неложно уважал правителя Рохана, они не раз сражались бок о бок, и покорно склонить голову после ТАКОГО – нет, это не для него!

– Немного внимания, друзья. – Король поднял руку. – Послушайте меня ещё немного. Суть того, что я хочу сказать вам, весьма проста. Дело в том, что заключённый нами мир – не обычный мир. Все понимают, что ни мы с хазгами, ховарами и прочими находниками ужиться не сможем, ни они с нами. Поэтому одно из двух – либо они уничтожат нас, либо мы уничтожим их. Вспомните, как сражались дунландцы в этой войне!

Фолко помнил. Однако он помнил и роковой удар дунландской пехоты в тыл уже окружившим воинство Олмера роханцам во время Исенской битвы, помнил и страшную месть уцелевших степных всадников... Под кровавыми счетами черту не подведёшь. Да и теперь чудом уцелевшие остатки дунландского племени вновь дали бойцов в армию ховаров. И дрались дунландцы отчаянно...

– Долго так продолжаться не может, – говорил король, лицо его мало-помалу темнело от сдерживаемого гнева. – Настанет день, и нас сотрут с лица земли, если мы до этого не внушим всем врагам такой ужас, что они начнут пугать детей в колыбелях нашим именем!

Фолко опустил глаза. Что-то ворохнулось около сердца тупой, ноющей болью. Знакомые слова... Мсть, мсть и ещё раз мсть! – разве он сам не жил по этому волчьему закону последние десять лет?

Король отпил из чаши – небывалое дело, верный признак того, что Эотрейд сильно взволнован.

– Сейчас никто не ждёт нашего удара. Вражьи прознатчики доложат, что войско ушло в Хорнбург и его вот-вот распустят по домам. А мы в это время пройдем тайными тропами через Белые горы, обогнём их с запада,отрежем ховаров и хазгов от помощи Отона и Терлинга, а потом начнём большую охоту! Живым уйти не должен никто.

– Мы воины, а не палачи! – прохрипел Эркиенбранд. Глаза старого солдата горели от гнева.

– Знаю. – Голос Эотрейда зазвенел. Король тоже с трудом сдерживал ярость. – Выбирай, Храбрейший: или мы станем палачами сами, или другие станут палачами для нас! А я хочу,

чтобы Рохан жил. Любой ценой, и моя собственная жизнь, да что там жизнь – честь! – ничто в сравнении с этим. А уничтожив всех врагов в междуречье Гватхло и Исены – и тем более взяв Тарбад! – мы сможем по-другому говорить с Аннуминасом... Мы заставим их признать нашу неприкосновенность!.. А теперь я хочу услышать вас. И первым прошу встать тебя, мастер Фолко!

Хоббит удивлённо поднял брови – он никак не ожидал подобного. Бросил быстрый взгляд на друзей гномов: лица их были непроницаемы, словно каменные маски. А это, в свою очередь, значило, что услышанное им не нравится, и притом очень сильно.

Фолко поднялся. Уловив на себе неприязненный взгляд Эркенбранда, он повернулся к старому воину и почтительно поклонился ему.

– Мой повелитель, быть может, начать лучше было бы Храбрейшему?..

– Предоставь решать это мне! – непривычно жёстко отрубил король. – Ты тоже был и на Андуине, и на Исене... как и я, кстати. Так что говори смело.

Фолко поднял брови – так, чтобы это видел засопевший от обиды Эркенбранд: мол, всё понимаю, но выполняю приказ, не обижайся на меня, Храбрейший, и начал:

– Мой повелитель, по-моему, это безумие. Войско утомлено и ослаблено потерями. В поход можно вывести не более шести полных тысяч – остальных нужно оставить в Хорнбурге и на Исене. А кроме этого, нельзя забывать и о восточной границе. За Андуином беспокойно... Но главное даже не это. О мой король, я немало времени провёл в одном отряде с теми же хазгами и знаю: раз изменивший слову перестаёт быть для них человеком. Если своему слову изменит правитель большой страны – в глазах хазгов весь его народ превращается из людей, пусть даже и врагов, в хищных зверей, которых нужно уничтожать безжалостно и беспощадно, и чем скорее, тем лучше. Сейчас *слово короля Рохана*, – с нажимом произнёс последние три слова Фолко, – ценится куда выше золота. Потому что он ни разу не отступал от него. И, быть может, своим словом ты вернее защитишь королевство, чем мечами и копьями? Это первое и главное. Я мог бы ещё много чего сказать о том, что план похода хоть и хорош – действительно, никто из врагов не будет ждать нас со стороны моря, а если возобновить договор с Морским народом, то шансов на успех прибавится, – но намеренно оставляю все эти рассуждения в стороне. Ибо, по мысли моей, королевское слово не может быть нарушено ни при каких обстоятельствах. Я сказал.

– Молодец! – опускаясь на место, услышал хоббит горячий шепот Торина. Сидевший ближе Малыш просто пожал Фолко руку – и так, чтобы все видели.

Эодрейд выслушал хоббита молча, лишь на скулах его играли желваки.

– Мысли мастера Холбутлы мне понятны, – ледяным тоном проронил властитель Рохана. – Что скажут остальные? Что скажешь ты, Храбрейший?

Грузный Эркенбранд с трудом выбрался из кресла.

– Что могу сказать я, старый и немощный? – Голос его всё ещё дрожал от обиды. – Мой король давно уже живёт плодами собственных мыслей, да ещё и даёт в Коронном Совете первое слово чужакам и наёмникам, пусть даже весьма искусным!

Внешне Фолко остался невозмутим, хотя внутри у него всё тоже сжалось от обиды. «Ах ты, старый, выживший из ума пень! И это после всех битв, в которых я сражался под роханскими стягами!»

Рядом с хоббитом яростно засопел Малыш, уже готовый броситься на обидчика.

– Храбрейший, обида помutilа твой разум, – холодно бросил король. – Мастер Холбутла и впрямь получает содержание из моей казны, поелику не имеет никаких ленных владений в пределах Рохана, что, я вижу, было моим немалым упущением! Но ты запомнил, Храбрейший, благодаря кому мы взяли Эдорас столь малой кровью!.. Впрочем, мы сейчас говорим совсем о другом. Что скажешь ты о моём плане?

– Что я могу сказать... – Эркиенбранд побагровел так, что Фолко испугался, как бы гордого старика не хватил удар прямо здесь, за пиршественным столом. – Наверное, план хорош... Но хотелось бы услышать: что, кроме собственного убеждения, положил король в основу своего решения? Разорвать договор с соседями, сколь бы худы они ни были, – такого у нас ещё не случилось!

– Верно. Не случилось. – Эодрейд отрывисто кивнул. – У меня и впрямь нету никаких твёрдых доказательств, что враг тогда-то и тогда-то начнёт вторжение. Напротив, ховары и хазги ослабли, их рати изрядно потрепаны... Разумеется, им нужно будет время, чтобы оправиться. Но что они станут делать несколько лет спустя, когда подрастут молодые воины? На кого обратится острый их удара?.. Не на нас ли?..

На краткое время наступила тишина.

– А почему повелитель так уверен, что оно не обратится на междоусобицу? – негромко заметил Торин, после того как Эодрейд кивнул головой, давая желающим знак говорить. – Почему бы и не сделать так, чтобы ховары вцепились в горло хазгам или же они вместе – хеггам? Или чтобы всё ополчение Минхириата и Энедвэйта не напало бы на владения Отона? Король-без-Королевства мастерски умел ссорить своих врагов и не давать им объединиться...

– Плести интриги... – поморщился Эодрейд.

– Однако это лучше, чем отказываться от собственного слова! – встрял Маленький Гном.

– Так, я слышал всех, кто служит Рохану, не принадлежа к нему по крови. А вы, мои остальные маршалы? – Эодрейд сел, упираясь локтями в стол и опустив подбородок на сцепленные пальцы рук.

Военачальники закричали и задвигались. Видно было, что никому из них не улыбается противоречить своему королю. Наконец решился Брего, один из командиров конных тысяч – ударной силы роханского войска.

– Э... э... О мой король... – Брего не умел произносить речи, это знали все. Злые языки поговаривали, что проще научить пса петь торжественные гимны, чем Третьего маршала Брего ораторскому искусству. Впрочем, косноязычие не мешало ему оставаться дельным командиром и храбрым воином. – Король мой, значит... Мыслью я... э... опасно это. Ну да. Опасно. Вот.

– Хватит, Брего, хватит! – Эодрейд досадливо поморщился, и все вновь удивлённо переглянулись: правитель Рохана никогда раньше не позволял себе прерывать Третьего маршала из-за тягучей и малопонятной речи. – Твоя мысль мне ясна. Опасно идти с шестью тысячами против троекратно сильнеешего врага, говорите вы? Но мастер Холбутла справедливо заметил, что, возобновив союз с Морским народом, мы увеличим наши шансы. При удаче к нам присоединится четыре тысячи мечей! С таким войском можно смело идти на Тарбад...

Фолко сжал губы: ему очень не нравился этот принятый разговором оборот. Эодрейд перевёл речь на чисто военные вопросы – хватит ли сил, куда направить главный удар, как привлечь союзников, словно бы все уже согласились с тем, что договор, подписанный правителем Рохана, не более чем разрисованный детскими каракулями кусок тонковыделанной кожи.

– Но корабли Морского народа уже ушли, – возразил Фрека, Четвёртый маршал. – Потребует немало времени, чтобы они вновь смогли собрать свои силы...

– Да не пойдут они второй раз-то! – неожиданно раздался резкий голос Маленького Гнома. – Они ж пираты известные. Честных там по пальцам одной руки пересчитать можно. Ну Фарнак, конечно же, Лодин тоже... Говорят, Хельги ничего... А остальные... Тот же Скил-лудр! Где для них добыча? Они у ховваров всё, что могли, уже взяли. А с хазгами они не дураки в драку лезть.

Мысленно Фолко выругал себя за то, что этот совершенно очевидный факт не пришёл ему в голову.

– Верно! – прогудел Торин. – Морскому люду платить нужно, и желательно вперёд. Тогда они сражаются, словно орки, когда их Моргот подгонял...

Эодрейд опустил взгляд, но отнюдь не от осознания собственной ошибки. Казалось, он смертельно устал от непроходимой тупости своих приближённых, не понимающих доступных и ребёнку вещей. Наступила тишина; и уютный покой внезапно показался хоббиту угрюмым и мрачным, точно пыточный застеночек. Казалось, в древних стенах вновь ожило отчаяние Теодена, когда он, запертый, словно медведь в логове, ждал, когда же орки Сарумана прорвутся наконец в его цитадель... Фолко чувствовал сгустившуюся древнюю злобу так же чётко, как когда-то, десять лет назад, чувствовал приближение Олмера. С самой гибели Серых Гаваней с ним не случилось подобного; навалилась непонятная выматывающая дурнота.

А Эодрейд тем временем заговорил вновь:

– Что ж, мнение ваше мне ясно, господа Совет. Признаюсь, я ждал другого ответа... Конечно, я могу отдать приказ, но мне хотелось бы всё же убедить вас. Старого мира больше нет, я думал, это знают все. Пришла пора иных войн. Войн, когда врага уничтожают полностью, от мала до велика, потому что иначе он уничтожит тебя. Минхириат, Энедвэйт, Эриадор – всё заполнено ныне пришельцами с Востока. Наши земли – островок, со всех сторон окружённый волнами варварского моря, моря чужаков. Хегги, хазги, ховары, дунландцы... А за Андуйном – какие-то никому не ведомые племена, пришедшие Манве ведаёт откуда! И против них – одни лишь мы. Гондор слаб и сам едва отбивается от харадримов вкупе с корсарами Умбара. Мы – последняя надежда Добра и Света. Мы должны начать ту великую войну, что покончит с отравными плодами Олмерова вторжения. Рохан имеет на это право. Мы заплатили за это самую высокую цену, какую только могли. Половина наших мужчин легла в той войне! Так неужто мы можем позволить себе ждать, когда враг соблаговолит сам напасть на нас?! Нет, нет и ещё раз нет! Мы верны заветам Валаров. Силы Мрака пали, сломав зубы о камни Серых Гаваней. Мы не раз побеждали наших врагов и знаем: у них больше нет никаких магических сил, как, впрочем, и дельных полководцев. Второго Олмера нет и не будет. Мы одолеем!

– Гм... – не слишком почтительно промычал Торин – так, чтобы все слышали. – А если мы потерпим неудачу? Истерлинги пока ещё очень сильны... И я не уверен, что Дори Славный вновь выведет в поле морийский хирд. А выстоит ли Рохан – пусть даже в союзе с Морским народом, в возможностях которого я лично сомневаюсь, – если против него обернётся вся мощь Терлинга и Отона вкупе с Ангмаром? Вспомните, мы не смогли удержать Тарбад, хотя с нами были и Беорнинги, и часть эльдринов – немалые силы! А чем дело кончилось? Земли на четыре дня пути от Исены... Смех, да и только!

Наступило неловкое молчание. Гном сказал чистую правду. Успех был совсем не тот, на который рассчитывали в Эдорасе, начиная войну...

Фолко сидел, пристально вглядываясь в лицо короля. Он слишком хорошо знал Эодрейда. Он помнил ликующее войско и самого молодого короля: лицо его светилось от счастья, когда пали последние ховары – защитники Медьюселда, и Эодрейд под кровлей своих предков звенящим голосом провозгласил Восстановление Рохана. Хоббит помнил деятельного, умного правителя Роханской марки в дни штурмов Хорнбурга и битв за Исену. И он, мастер Холбутла, не мог ошибиться – с королём что-то произошло. Эодрейд никогда не упивался войной. Мир для Рохана был достаточно выгоден: ховары, получив хороший урок, едва ли рискнули бы напасть на марку в ближайшем будущем... Что-то тут было не так, вмешались ещё какие-то силы, что подталкивали роханского правителя к явно самоубийственному шагу. Какие силы? Что могло до такой степени помутить рассудок опытного, бывалого полководца, за чьими плечами осталась не одна война? Почему он принял решение, абсурдность которого видна даже выживающему из ума Эркенбранду? Нарушить королевское слово – более страшным преступлением у пришельцев с Востока считалось только отцеубийство. И где-то глубоко внутри хоббита, взламывая застарелую корку льда, вдруг шевельнулось нечто, казалось бы, прочно забытое, воскрешающее незабываемые дни погони за Олмером. Нечто вроде долгожданной боли, когда с хрустом выдирается гнилой, долго мучивший зуб...

Стены покоя дрогнули и поплыли перед глазами хоббита. В грудь слабо толкнулось нечто тёплое, и Фолко едва не свалился со стула – оживал кинжал Отрины! Десять лет, десять долгих лет он верой и правдой служил хоббиту, однако начисто утратив все волшебные свойства, превратившись в самый обыкновенный клинок, пусть даже и очень хороший. Не веря себе, Фолко коснулся ножен пальцами – так и есть, от старой, потёртой кожи исходило ощутимое тепло. Дремавшие в лезвии с голубыми цветами силы вновь пробудились к жизни.

На какое-то время Фолко полностью выпал из мира, прислушиваясь к своим ощущениям. Нет... ничего... ничего особенного... а вот если взглянуть сюда?!

На правой руке Фолко по-прежнему носил подарок принца Форве – золотой перстень с голубым самоцветом. Алый мотылёк, что в былые годы мерно взмахивал крылышками в такт биению сердца хоббита, давно исчез из глубин камня; все привыкли к перстню, считая его обычным украшением, странной прихотью храброго воина, коему не к лицу напяливать на себя женские побрякушки. Десять лет перстень был мёртв, а теперь, после случившегося с кинжалом, Фолко даже не слишком удивился, вновь увидев в глубине кристалла мерные взмахи огненно-алых крыльев. Мотылёк вновь ожил.

Наверное, в былые годы он, Фолко Брендибэк, вскочил бы с места и, сверкая глазами, начал требовать, чтобы все прислушались к этим грозным знамениям, предвещающим... Эру ведаёт что-то очень грозное. Времена криков давно миновали. Теперь хоббит лишь аккуратно повернул перстень камнем внутрь, чтобы никто не заметил случившейся перемены. Усилием воли Фолко вновь заставил себя прислушаться к тому, что творилось вокруг. А творилось нечто весьма неприятное. Эодрейд впервые, наверное, за все годы своего правления дал волю гневу.

Нет, он не кричал, не топал ногами, не приказывал казнить всех возражавших ему – он просто отдавал приказы ледяным, мертвенным голосом, и от этого всем делалось ещё страшнее. Испытанные воины чувствовали, что волосы у них становятся дыбом, а по спинам струится холодный пот. Казалось, вместо их короля, которому все они были неложно преданы, появился совершенно другой человек, куда более жёсткий и жестокий. И приказы, отдаваемые им, были один мрачнее другого.

– Позаботиться, чтобы в достаточном количестве был взят яд – тот самый, что мы получили от гномов и который они используют против каменных крыс. По пути будем отравлять колодцы – все до единого! Взять запасы масла – выжигать на корню поля и пастбища. Деревни и города будем сжигать со всеми обитателями. Никого не щадить! Отродье Тьмы не заслуживает снисхождения. Дети не исключение. Я не хочу, чтобы из них выросли мстители. Этим мы навек уберём Рохан от вторжений с Запада.

– Ну так, значит, с Арнором-то чего, повелитель? – послышался голос Брего. – Силён Терлинг ведь, проклятый, силён, чтоб его разорвало! Под Тарбадом-то на собственных шкурах почуяли!

– Да, Терлинг силён, – не задумываясь, ответил Эодрейд. В глазах его плясали рыжие отсветы факелов, и казалось, он уже видит исполинские пожары, что пожирают вражеские города и селения. – Но ему придётся идти через выжженную землю. Его войско после Гватхло не найдёт ни воды, ни пропитания. А мы встретим их на заранее подготовленных рубежах, измотаем ударами из засад... Они не дойдут до Исены!

Малыш громко фыркнул. Маленький Гном не стеснялся в выражениях ни перед кем, включая и самого короля.

– Дойдут, дойдут, ещё как дойдут! – брякнул он, не задумываясь. – Воду – из Гватхло с собой в бурдюках. А могут и того проще – по Исене на кораблях подняться... Золота-то, чтобы Морской народ перекупить, у них хватит!

Эодрейд дёрнул щекой.

– Совет закрыт, – проскрежетал он, еле сдерживая бешенство. – Надеюсь, что все маршалы марки исполнят свой долг. Войско не распускать! А послов к Морскому народу я

отправлю немедленно. На Исене сейчас стоит дружина тана Фарнака, не так ли? Вот вместе с ним посланники и отправятся. А теперь разрешаю всем идти.

Маршалы поднимались один за другим, неловко кланяясь королю.

Толстая дубовая дверь закрылась. От королевских покоев в верхних ярусах башни вёл только один коридор – волей-неволей все роханские командиры шли вместе. Царило тяжёлое молчание.

– Э! Нельзя нам, того, ну понимаете, задуманное ему дать сделать! – внезапно и с силой произнёс Брего.

Все остановились разом, как по команде. Похоже, остальные знатные роханцы думали точно так же, потому что у Фреки вырвалось:

– Верно, да вот только как?

– Как, как... – прохрипел всё ещё багровый Эркенбранд. – Что об этом говорить... Здесь же наёмники!

Фолко резко повернулся, словно его обожгли кнутом.

– Уж не задумал ли Храбрейший заговор против своего законного короля? – сквозь зубы произнёс хоббит, кладя руку на эфес. Рядом с ним молча встали гномы; их топоры уже были готовы к бою.

– Э, вы что... эта! – всполошился Брего, мигом оказываясь между старым воином и Фолко. – Храбрейший, я, ну прошу тебя...

– Если здесь зреет измена... – ледяным голосом отчеканил Торин.

– Какая измена! – в отчаянии завопил Фрека. – Приказы-то короля – они ж погубят Рохан! Вы же первые были против них!

– Но это не значит, что мы изменим своему слову, – парировал Малыш.

– Но и мы не собираемся! – горячо воскликнул Хама, самый молодой из роханских маршалов. – Мы просто хотим уберечь короля от гибели! Разве не в этом истинный долг тех, кто любит свою страну и своего правителя?

Фолко, Торин и Малыш переглянулись, принявшись невозмутимо и молча раскланиваться с остальными маршалами.

– Эй, куда вы... эта... того? – всполошился Брего. – Поговорить надо, маршалы! С нами идёте, да, нет?

– Разве можем мы, наёмники, как поименовал нас почтеннейший Эркенбранд, обсуждать приказы нашего нанимателя? – намеренно ледяным тоном отозвался Торин. – Повелитель Эодрейд отдал приказ. Нам осталось только выполнить его.

Брего побагровел:

– Ну, вы, того, значит, сердца не держите. Я, эта, прощения прошу, слышите? Я, как бы... э... от всех нас, верно? – Вспотев от усердия (редко когда приходилось произносить вежливые речи), Брего окинул взглядом остальных роханских маршалов. – Вы, того, на Храбрейшего не сердчайте. Он же... ну, значит, стар, что ли...

– погоди, Торин. – Фолко тронул локоть друга. – Нам и впрямь не помешает послушать. Быть может, все вместе мы придём к какому-то решению.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.